

Научная статья
[https://doi.org/ 10.24412/2220-2404-2024-6-23](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-23)
УДК 316.4, 316.75

МУЖЕСТВЕННОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Тамбиянц Ю.Г., Лукинов А.Н.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. *Актуальность. В статье предлагается рассмотрение мужественности в качестве исторического и социально-психологического феномена. Исходя из данных первичного социологического исследования, определяются векторы мужественности в сознании молодежи, а также характер сдвигов в социальном поведении. Динамика мужественности в рамках российского общества в целом характеризуется как нисходящая, в чем видится результат погруженности отечественного социума в социокультурную среду потребительства, подкрепляемую компьютеризацией. В то же время, как национальный феномен, мужественность в России все еще не потеряла традиционных оснований, преимущественно связанных с коллективными задачами. Ресурс мужественности при всем его субъективизме вполне может стать козырем России в обостряющейся конкуренции цивилизаций.*

Ключевые слова: *мужественность, модели мужественности, факторы мужественности, закон техно-гуманитарного баланса, торговый дух, бойцовский дух, военная эволюция, цивилизационная конкуренция.*

MASCULINITY AS A PHENOMENON OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

Julian G. Tambiyants, Andrey N. Lukinov

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. *The article proposes the consideration of masculinity as a historical and socio-psychological phenomenon. Based on the data of the primary sociological research, the vectors of masculinity in the minds of young people are determined, as well as the nature of shifts in social behavior. The dynamics of masculinity within Russian society as a whole is characterized as downward, which is seen as the result of the immersion of domestic society in the socio-cultural environment of consumerism, supported by computerization. At the same time, as a national phenomenon, masculinity in Russia has still not lost its traditional foundations, mainly related to collective tasks. The resource of masculinity, for all its subjectivism, may well become Russia's trump card in the escalating competition of civilizations.*

Keywords: *masculinity, models of masculinity, factors of masculinity, the law of techno-humanitarian balance, trading spirit, fighting spirit, military evolution, civilizational competition.*

Введение. Весьма расхожий характер имеет тезис о неустойчивости и текучести современного мира.

Противостояние двух систем, определяющее мировую биполярность, сменилось, вроде бы, торжеством мирового капитализма и международного гегемона США, в рамках которых довольно скоро обнаружилось собственные противоречия.

Диалектика социальной эволюции позволяет распознать своего рода антитезис, заключающийся в оборотной стороне развития западной, да и вообще мировой цивилизации, коньком которой выступают технологии и возрастающий уровень потребления.

Обсуждение. Победы над фашизмом и коммунизмом привели западные демократии к самоуспокоенности, что израильский ученый А. Гат видит в падении рождаемости, старении населения и последовательной эрозии патриархата. Для поднятия уровня пассионарности он считает целесообразным разработку нового образа войны, отвечающего социальным запросам современности [2, с. 120]. Правда, имеются и противоположные мнения.

Известный либеральный ученый Э. Геллнер восторгается необратимой победой «коммерческого общества над обществом насилия», полагая, что в новых условиях не только храбрый достоин красавицы [3, с. 91].

Не отрицая возможной дискуссионности упомянутой проблемы, тем не менее, укажем на объективный факт стремительного усиления мусульманского фактора в западноевропейских странах, который по пассионарности на порядок превосходит коренных жителей.

По мнению политолога В. Соловья, иммигрантские группы в Европе «демонстрируют нескрываемую и агрессивную волю к власти, в то время как европейцы потеряли не только волю к власти, но даже волю к борьбе» [8].

В связи с этим, уместно поставить вопрос: А как обстоят дела в России? Это особенно актуально в свете обостряющихся отношений с Западным миром, да и вообще нового витка цивилизационной конкуренции.

Отечественный социум также захватывает текучесть и турбулентность общественной действительности, что актуализирует ряд проблем, в том числе касательно воспроизводства национальной идентичности.

В текущий момент Россия только определяется с собственным статусом в международном сообществе; плюс к этому, внутренняя ситуация никак не лишена принципиальных антагонизмов, отражающихся, в том числе и на транснациональном уровне.

Культура потребления отнюдь не обходит российскую социальную среду, закладывая схожие с Западом проблемные тенденции. Если выражаться категориями исторической философии Л. Гумилева, следует говорить о следующем за акматической фазой пассионарном упадке [4]. Мы же предпочитаем «пассионарности» более обыденный и приземленный термин «мужественность», ставя вопрос о возможном ее выхолащивании, в чем видим прежде всего следствие «болезни» цивилизации.

Как показывает ретроспективный исторический анализ, мужественность представляет собой ресурс который в определенные моменты играет не просто важную, но решающую роль, обеспечивая адекватный ответ на определенного характера вызовы.

В настоящей работе мы намерены затронуть проблематику мужественности именно в отечественных условиях. Рамки статьи заставляют существенно ограничить объект исследования.

Нашей целью выступает выяснение характера динамики мужественности в российской молодежной среде. Соответственно, задачи статьи предполагают:

во-первых, уточнение определения мужественности в качестве социально-психологического, а также исторического феномена;

во-вторых, определить сущность представлений о мужественности молодежного сознания, а затем сдвигов в социальном поведении молодежи, связанных с проявлениями мужественности. Решение второй задачи будет опираться на данные собственного социологического исследования, проведенного среди курсантов Краснодарского авиационного училища.

В авторской интерпретации, мужественность видится как определенная черта характер, или особое внутреннее состояние, связанное с проявлениями твердости, решительности, настойчивости в процессе достижения поставленных задач, что связано обычно с противодействием внешним обстоятельствам или преодолением внутренних психологических барьеров.

Имеет смысл утверждать существование внутренних (психофизиологических, психологических), а также внешних, главным образом, социальных источников мужественности, из чего следует тезис о мужественности как о социально-психологическом феномене, который может приобретать как индивидуальные, так и коллективные (массовые, в том числе) формы.

Собственно, характер мужественности как явления пытались осмыслить и дать ему взвешенную оценку уже в древние времена.

Тематика мужественности находится в центре одного из диалогов Платона «Лакет», где данному феномену придается расширенное понимание: «мужествен не только перед лицом бед и страхов, но умеет искусно бороться со страстями и наслаждениями, оставаясь ли в строю или отступая» [7, с. 191]. При этом подчеркивается некий фундаментализм мужественности – если человек изначально обделен этим, то нет смысла обучать его воинскому делу.

Итогом анализа наследия древнегреческого эпоса Е. Алымовой стали три модели мужественности – Ахилла, Гектора и Одиссея» [1], к которым мы намерены добавить еще и четвертую модель идентичности, основанную уже на наших собственных соображениях. Все четыре модели или формы мужественности содержательно различаются между собой, хотя и могут кое в чем пересекаться.

Итак, модель Ахилла предполагает на первом плане стремление к индивидуальной славе посредством победы над врагом или врагами. Тем самым, здесь бесспорно доминирует героическое

самоутверждение конкретной личности. Принципиально иным содержанием наполнена *модель Гектора*, где во главу угла ставятся героические усилия по защите родного города, родной земли. Легко заметить, что феномен патриотизма и неуклонного следования долгу органично вписываются в данную модель. *Модель Одиссея* представляет собой такой вариант проявлений мужественности, который связан в первую очередь со стойкостью в плане преодоления жизненных испытаний, грозящих психологически «слоमित» человека.

Наконец, предложенная нами четвертая *модель идентичности*, предполагает следование собственному внутреннему кодексу, несмотря на меняющиеся обстоятельства, то есть когда человек находит в себе силы быть постоянно «самим собой» [9].

Если обратить внимание на исторические условия, то их анализ очевидно указывает на вектор упадка мужественности. В этом мы видим результат множества причин, в основном, связанных с динамикой западной цивилизации, считающейся образцом современного благополучия и комфорта.

Упомянутая выше концепция пассионарности, предложенная отечественным историком Л. Гумилевым, как раз и склонна утверждать, что материальное благополучие коррелирует с упадком пассионарности, которая во многих отношениях может пересекаться с мужественностью, хотя, конечно, это не тождественные понятия.

На основе собственного ретроспективного взгляда, мы хотим предложить комплекс из пяти факторов, работающих на выхолащивание мужественности, которым дадим краткий обзор.

Закон техно-гуманитарного баланса представляет первый фактор. Суть этого закона состоит в том, что разрастание мощи военных и производственных технологий требует обязательного и последовательного развития методов культурной регуляции. Последние нужно привести в соответствие с упомянутыми военными технологиями, прежде всего с целью безопасного их применения [6].

Отсюда, с течением времени, возрастает функциональное значение разнообразных идей мирного сосуществования, общечеловеческих ценностей, тогда как применение силовых методов воспринимается все чаще не в виде нормы, а, скорее, в качестве варварского пережитка.

Эволюция военного дела представляет, с нашей точки зрения, второй фактор. Военная

сфера изначально представляла собой сегмент общественных отношений, в рамках которого мужественность выступала наиболее важным ресурсом. Однако военные революции принципиально меняли качественные характеристики войны, трансформировали ее облик, что неизбежно вызвало заметные сдвиги в содержании воинского мышления и духа.

Всего насчитывается три таких революции.

Первая революция – организационная, существенным образом рационализировала боевой воинский дух.

Вторая революция – огневая, увеличила расстояние, на котором открывались непосредственные боевые действия.

Третья революция привела к противодействию не столько между людьми и их индивидуальным и групповым боевым настроем, сколько между бездушными механизмами и моторами.

Феномен воина, отнюдь не потерявший своей актуальности после первой и даже второй военных революций, после третьей оказался окончательно вынесенным за пределы военной сферы, полностью уступив место солдату.

Если для войн прошлого обязательным являлись определенные психологические особенности у представителей групп, вовлеченных в боевые действия, то в современном мире профессия военного, согласно тезису Э. Геллнера, не имеет специфических особенностей и доступна фактически любому [3, с. 90].

Третий фактор мы видим в *развитии государственности* в качестве главной регулирующей насилье структуры. Сама суть государственного феномена предполагает стремление взять под контроль силовые ресурсы или, по-другому, установить монополию на насилие. В процессе государственной эволюции (стейтогенеза, согласно терминологии Л. Гринина), усиливающиеся административные институты налагают на общество дополнительные рамки и контролирующие механизмы, затрагивая, в том числе реализацию силовых ресурсов на практике, посредством придания им юридического значения.

Динамика взаимодействий торгового духа и бойцовского духа представляет, по нашему, четвертый фактор. Если до эпохи капитализма воинский дух и торговый дух, главным образом, взаимно уравнивались, время от времени, получая краткосрочный перевес, то в Новое время просматривается уже безусловное превалирование второго над первым, что приобретает неуклонный смысл. Это происходит в силу

ряда причин, главной из которой мы считаем то, что иррациональная сущность бойцовского духа сама по себе антагонистична капиталистическому мировоззрению, основанному на жестком рациональном расчете.

Наконец, *гедонистический дух* современности представляется нам пятым фактором.

Тотальное распространение гедонистических установок - не что иное, как следствие распространения общества потребления, чем характеризуется состояние современной капиталистической цивилизации. Причем, феномены геймерства, порно в значительно большей степени затрагивают именно мужчин, находя в их психофизиологической сущности основной отклик.

В итоге, достижительские стремления «сильной» половины снижаются, тогда как женщины вырываются вперед по нескольким социальным показателям. Здесь упомянутый тренд современной цивилизации подтверждается научными исследованиями [5], а также отражается в художественной культуре (роман «Бойцовский клуб» Ч. Полланика). Представляется, что расцвет одиозных идеологических феноменов вроде радикального феминизма, не в последнюю очередь, обусловлен подобными социальными условиями.

Для более конкретизированного представления о подобной проблеме, в отечественной среде было проведено социологическое исследование среди курсантов Краснодарского авиационного училища. Подобная выборка была продиктована:

во-первых, принадлежностью опрошенных к молодежному сегменту (возрастной состав от 18 до 22 года);

во-вторых, военным статусом респондентов, что само по себе, предполагает феномен мужественности, пусть и более в культурном плане. В общей сложности, опрошено 184 курсанта, юношей и девушек. Инструментарием послужила анкета, выборка целевая.

Изначально предполагалось уточнение, каким именно содержанием наполняется понятие мужественности в сознании молодых людей. Распределение ответов показало, что как юношами, так и девушками отвергаются формы мужественности, ассоциируемые с внешней брутальностью (варианты ответов: быть накачанным; иметь хорошую машину собрали не более 1,5 % упоминаний), что, как следует полагать, интерпретируется как внешний блеск, скрывающий отсутствие реального «стержня».

С мужественностью респонденты предпочитают ассоциировать формы поведения, имеющие более практическое выражение. Ответ: «Умение защитить, постоять за себя» отметили 88% юношей и 77% девушек; «Решительно достигать поставленные цели» - 90% юношей и 76% девушек; «Не ломаться перед обстоятельствами» - 85% юношей и 90% девушек.

Популярность у девушек последнего варианта видения мужественности, наверняка, связана с выбором мужа, образ которого, зачастую, ассоциируется именно с подобной чертой. Примерно в два раза реже респонденты отмечали ответ: «Отстаивать собственное мнение» (42% юношей, 37% девушек), что позволяет предположить, что большая часть опрошенных довольно неуверенно чувствуют себя в рамках дискуссий.

Следующий вопрос выявлял предпочтение уже конкретной модели мужественности из четырех предложенных; при этом респонденты должны были выстроить иерархию, какую из моделей они ставят на первое, второе, третье места. Тем самым, в ответах конкретного респондента полностью выпадала одна из четырех моделей мужественности.

Характерно, что по числу упоминаний у курсантов мужского пола на первом месте - модель Гектора (98%); причем, две трети из них (64%) ставят ее на первое место. Модель Одиссея по числу упоминаний среди парней, вроде бы, немалого уступила модели Гектора (94%), однако, на первое место ее поставили только 27 %. Третье место респонденты-юноши отдали модели идентичности - 78% по числу упоминаний. У девушек по числу упоминаний лидирует модель Одиссея (98%); на втором месте по этому показателю модель Гектора (90%), которую, однако, на первое место поставили 60% респонденток; на третьем месте - модель идентичности 80%.

Интересно, что последнее место по числу упоминаний заняла модель Ахилла, причем, у обеих групп респондентов - всего 25% - юноши и 20% - девушки. Подобный факт, на вскидку, можно расценить с нескольких сторон. Модель Ахилла, сама по себе, предполагает концентрацию усилий в направлении исключительно личностного самоутверждения; значит, ее непопулярность может свидетельствовать о предпочтении коллективных целей, которые куда сильнее связываются с моделью Гектора (отсюда и наибольшее число ее упоминаний). Это, с одной стороны, суживает психологическую базу радикального и экстремистского поведения, столь любимого нынешними российскими властями.

Но, с другой стороны, данное обстоятельство можно трактовать как дефицит пассионарности у молодежи.

Далее следовал вопрос, который определял направление динамики мужественности с точки зрения молодежного сознания. Как нам представляется, респонденты довольно адекватно оценивают реальную ситуацию, на что указывает громадный перевес тех, кто видит здесь нисходящую динамику. Около пятой части опрошенных юношей (21%) выбрали ответ, что количество реально мужественных людей «несомненно увеличивается» или «скорее увеличивается», тогда как, отметивших противоположные позиции – «несомненно уменьшается» и «скорее уменьшается» оказалось более двух третей (71%), при 6% считающих, что данное количество не меняется. Еще больший разрыв у респондентов-девушек. На восходящую динамику мужественности указало 13%, а на противоположную тенденцию 83%, при 2% не увидевших здесь особых изменений.

Вопрос об отличиях армейской и гражданской сфер, именно с точки зрения количества мужественных людей, в некотором роде, был ориентирован на проверку тезиса известного либерального исследователя Э. Геллнера, отличающегося пацифистскими наклонностями. Англичанин Э. Геллнер, в противовес израильтянину А. Гату, склонен приветствовать упадок «безрассудной горячности» западного общества. Им констатируется возросшая однородность занятий, которые раньше были принципиально различными, что касается также военной сферы. Как пишет Э. Геллнер, «профессия военного, в каком-то смысле, стоит в одном ряду со всеми другими профессиями. Она не рождает никакой особой касты и в принципе мало чем отличается, например, от профессии фермера. В нее можно свободно вступить и можно покинуть ее без каких-либо специальных ограничений, выбрав себе другое поприще» [3, с. 90-91].

Полученные ответы курсантов явно оппорнируют утверждению британского ученого. Из юношей больше половины (58%) выбрали ответ, что современная армия отличается от «гражданки» большим количеством мужественных людей «очень сильно»; 38% опрошенных курсантов ответили - «в некоторой степени отличается», тогда как только 4% не увидели здесь особых отличий. Девушки-респондентки оказались посдержаннее – 34% отметили вариант «очень сильно», 51% - «в некоторой степени отличается» и 15% отличий не увидели.

Тем не менее, общая картина однозначно встроена в противовес утверждению Э. Геллнера.

Наконец, завершали наше небольшое исследование вопросы о препятствующих, а также, наоборот, благоприятствующих мужественности факторах. Из данных таблицы 1 наглядно видно распределение ответов. В целом, парни, чаще всего, называют попытки избежать армейской службы, что, по всей вероятности, связано с их профессиональным статусом и выбором (курсанты военного училища). А вот наибольшая часть девушек предпочитает указывать на вырождение мужской природы, с чем солидарна также значительная часть парней (45%). Интересно и даже несколько неожиданно нечастое упоминание компьютерных игр, в которых многие исследователи (Ф. Зимбардо, Н. Коломбе [5]) видят одну из важнейших причин упадка мужественности. Хотя, популярная у опрошенных позиция – «вырождение мужской природы» может трактоваться в качестве следствия тотального доминирования потребительской культуры, а также досуговой компьютеризации.

Таблица 1. Факторы, мешающие мужественности (в %).

Что мешает сейчас формированию мужественности ?	юноши	девушки
Вырождение мужской природы	45	49
Распространение культуры потребления	37	27
Компьютерные игры	19	14
Уголовное законодательство	3	2
стремление «откосить от армии»	51	40
Стремление женщин взять на себя мужские функции	31	28
Другое	12	7

А вот в рамках ответов о способствующих мужественности факторах (таблица 2) исключительно оптимистично стоит рассматривать первое место «патриотизма». Твердое второе место по числу упоминаний занимают занятия спортом, в то время как фактор потребления соответствующей кинопродукции был упомянут наименьшим количеством респондентов. Недостаточно адекватно, с нашей точки зрения, респонденты расценивают объективные условия современности, которые сами по себе являются хорошей школой выработки индивидуальных качеств стойкости к трудностям, решительности их преодоления. Возможно, это объясняется молодостью опрошенных курсантов, недостаточным погружением большинства из них в социальную действительность.

Таблица 2. Факторы, способствующие мужественности (в %).

Что способствует сейчас формированию мужественности?	юноши	девушки
Спортивные секции	69	47
Киногерой боевиков	6	7
Патриотизм	76	80
Жесткие правила современной жизни	25,5	33
Другое	17	4

В заключении, мы намерены предложить следующие выводы.

1) Применительно к российскому обществу, динамика мужественности, в целом, характеризуется как нисходящая, в чем, прежде всего, мы видим результат погруженности отечественного социума в распространяемую на глобальном уровне социокультурную среду потребительства, подкрепляемую компьютеризацией. Общий смысл мировой цивилизационной перспективы ориентирует социальное большинство на выбор

стратегий наименьшего сопротивления, что работает на снижение достижительских стремлений, никак не способствуя востребованности мужественности как ресурса.

2) В качестве национального феномена, мужественность в России все еще не растеряла традиционных оснований, преимущественно связанных с коллективными задачами. Показательно в этом плане, что молодежь предпочитает, чаще всего, модель Гектора, с которой наиболее органичным образом сочетаются патриотические настроения.

Следует полагать, что ресурс мужественности, при всем его субъективизме, вполне реально сделать козырем России в обостряющейся конкуренции цивилизаций. Пожалуй, именно этот козырь играет сейчас за мусульманский мир, определяя его победное шествие в Европе. Данное обстоятельство целесообразно принять во внимание отечественным политическим структурам в ходе выстраивания соответствующих стратегий.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алымова Е.В. Тема мужества в доклассической греческой культуре (на материале эпической поэзии) / Е.В. Алымова // Вестник Ленинградского государственного университета. 2014. С. 7-19.
2. Балакришнан Г. Роль насилия в истории / Г. Балакришнан // Прогнозис. – 2008. №1 (13). С. 92 -123.
3. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер – М.: Московская школа политических исследований, 2004. 240 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. / Л. Гумилев, М.: Айрис-Пресс, 2016. 560 с.
5. Зимбардо Ф., Коломба Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности. / Ф. Зимбардо, Н. Коломба, М.: Альпина Паблишер, 2017. 344 с.
6. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. / А. П. Назаретян – М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
7. Платон. Диалоги. / Платон, М.: Мысль, 1986. 607 с.
8. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории М.: Русский мир, 2008. [Электронный ресурс], URL: https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3
9. Тамбиянц Ю. Г. Мужество нас покидает? Ученый о том, как меняются типично мужские качества. / Ю. Тамбиянц // «АиФ-ЮГ». № 9. 26.02. 2020.

References:

1. Alymova E.V. The theme of courage in pre-classical Greek culture (based on the material of epic poetry) / E.V. Alymova // Bulletin of the Leningrad State University. 2014. pp.7-19.
2. Balakrishnan G. The role of violence in history/ G. Balakrishnan // Forecaster. – 2008. №1 (13). Pp. 92 -123.

3. Gellner E. *Conditions of freedom. Civil society and its historical rivals* / E. Gellner – M.: Moscow School of Political Studies, 2004. 240 p.
4. Gumilev L.N. *Ethnogenesis and the biosphere of the earth.* / L. Gumilev – M.: Iris-Press, 2016. 560 p.
5. Zimbardo F., Columba N. *A man in isolation: Games, porn and loss of identity.* / F. Zimbardo, N. Columba. M.: Alpina Publisher, 2017. 344 p.
6. Nazaretyan A.P. *Anthropology of violence and culture of self-organization: Essays on evolutionary and historical psychology.* / A. P. Nazaretyan. M.: LKI Publishing House, 2007. 256 p.
7. Plato. *Dialogues.* / Platon. M.: Thought, 1986. 607 p.
8. Solovey V.D. *Blood and soil of Russian history* M.: Russkiy mir, 2008. [Electronic resource], https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3
9. Тамбиянц Ю. Г. *Is our courage leaving us? A scientist on how typically masculine qualities change.* / Yu. Tambiyants // "AiF–YUG". № 9. 26.02. 2020.

Информация об авторах:

Тамбиянц Юлиан Григорьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина; г. Краснодар, Россия; E-mail: 09081969jylian@rambler.ru.

Лукинов Андрей Николаевич, аспирант, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина; E-mail: 09081969jylian@rambler.ru

Julian G. Tambiyants, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies; I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University; Krasnodar, Russia.

Andrey N. Lukinov, post-graduate student; Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.